

Испытание

Лейтенант Володин упал раненый, но падая, он успел дать команду, и расчеты продолжали огонь. Привыкшие к грохоту орудий, артиллеристы угадывали приказы командира по жестам, е слову, как угадывают опытные, соизмерившие музыканты движение своего дирижера.

Батарея дралась на открытой позиции. Орудия стояли на вершине небольшого лесистого склона. Всего несколько минут назад ушел с батареи полковник Холин. Человек небольшого роста, неторопливый в движениях, он ласково оглядел людей и сказал:

— Вы их сдержите...

И было в этих негромких коротких словах то сильное, что заставило всех на батарее, от ее командира—лейтенанта Володина—до подносчика снарядов Митина, молодого, худенького парня с тихими синими глазами, почувствовать, что никто из них не уйдет отсюда, выдержит.

Командир огневого взвода, лейтенант Анушаван Мовсесян принял командование. Он подал команду и, смотря в бинокль, внимательно проследил, как ложатся снаряды. Только уголком глаза нахмурившись, поглядел как санитары, осторожно поднимая Володина, понесли его в ложбинку позади огневой позиции.

Мовсесян вел огонь. Три орудия били непрерывно, но, несмотря на силу их огня, немцы не отступали. Иногда совсем близко выскакивали зеленоватые фигуры, тогда темп движений на батарее стремительно рос, орудия били прямой

наводкой, и маленький Митин, подавая снаряды, шептал:—Дайте им! Дайте им еще!

Каждый снаряд, вылетающий из орудия, он сопровождал довольной улыбкой. У него потемнело и заострилось лицо, и он, не чувствуя своего дыхания, все быстрее хватал снаряды.

Мовсесян поглядывал на левый фланг. Там было что-то не в порядке—цепи немцев вклинились в рошу, и грохот боя сильнее доносился оттуда. Он наблюдал за рошей, хотя и на его участке положение становилось все серьезнее. Иногда ему казалось, что орудия задыхаются от беглого, непрерывного огня, но сейчас было не время об этом думать. Орудия были накалены, а люди работали так, что Мовсесян, старый наводчик, видел в этом предел человеческой силы и энергии. В эти минуты всем на батарее казалось, что жизнь потекла какими-то необычайно быстрыми темпами и увлекает их за собой, как большой водопад.

— Дайте им! Дайте им еще!—прошептал Мовсесян и увидел, как метнулась в бок маленькая фигура Митина и плотно прилегла к земле.

Мовсесян подумал о том, что не вовремя ранило Митина, подал новую команду, и вдруг что-то толкнуло его в живот. Он сначала не понял, что это такое, и когда потянуло вниз, к земле, пробормотал с досадой и тоской: «Не во время! Все не во время».

Митин полз за снарядом, сердито стирая рукавом с лица кровь и тепло и конфузливо улыбнулся лейтенанту.

— Ничего, это ничего,—пробормотал он, и вдруг испуганное выражение появилось на его лице... Он смотрел на Мовсесяна. Лейтенант медленно, точно нехотя, опустился на колени и так остался стоять. Митин жадно глотнул воздух.

— Снаряды, снаряды!—крикнул лейтенант, и Митин поднялся так легко, как будто не было у него на затылке раны от осколка. Он забыл о ней в том великом напряжении боя, которое охватило всех людей батареи. Мовсесян стоял на коленях и командовал. Лицо его вытягивалось и бледнело, голос звучал глухо, он упрямо глядел в бинокль, и непрерывный грохот орудий его батареи—такой нужный, родной—поддерживал его, как бодрящее вино.

Пот крупными каплями усеял его лоб, он с ненавистью, как врага, ощущал свою рану и превозмогал боль. Санитары подбежали к нему; он отослал их упрямым движением головы. Командир первого орудия, сержант Аристакес Оганесян, высокий и сильный, работал возле своего орудия. Липо у него пылали, глаза возбужденно сверкали. Он оглянулся на лейтенанта и, повидному, не поняв почему командир стоит на коленях, резко кивнул ему—у нас идет хорошо!

И звонким, юнцеским голосом прокричал команду. У всех трех орудий закипала такая стремительная, дружная, до пела такая рассчитанная работа, какая возможна только у сплоченного и крепкого коллектива.

И тут что-то случилось. Полковник Холин появился на батарее. Небольшая его фигура остановилась у первого орудия. Он немного сутулился и рядом с высоким, бравым Оганесяном казался

очень будничным. Не глядя на Мовсесяна, он сказал Оганесяну:—Сержант, замените командира батарей!

Мовсесян был далеко, но какой-то гаубоксой интуицией он угадал, что сказал полковник. С большим усилием заставил себя встать, голос у него был хриплый:

— Разрешите доложить, товарищ полковник, я нужен на батарее и не выбыю из строя.

— Так вот что,—проговорил Холин, подходя к Мовсесяну. Дальнейшие его слова не были слышны Оганесяну...—Да, это придется сделать,—закончил полковник, и ушел так же незаметно, как и пришел.

У Мовсесяна посягло липо. Он сел, провел рукой по влажному лбу и подал команду. Команда была страшная, необычная. В разгар тяжелого боя второе и третье орудие уходило с позиции. Оганесян оглянулся, как и другие, он ничего не понимал. Враг шел в контратаку, а два орудия уходили: да, уходили...

Мовсесян приподнялся. Левую руку он прижимал к животу, правой держал бинокль.

— Батарея,—хрипло выкрикнул Мовсесян,—батарея...

Он командовал открыть огонь, и все невольно обратили внимание на то, что, хотя осталось одно орудие, командир командовал «батарея», поняли, почему он это делал. Это орудие было теперь «батареей». Оганесян сбросил фуражку. Когда повалился наводчик, повалился молча, лицом на орудие, Оганесян стал наводить орудие сам.

Большой, коренастый клен с длинными ветвями стоял метрах в двухстах от батареи, поднимаясь из узкой

прогалинки. Земля вокруг была голой и черной, но багряный, узорчатый лист, как последний знак уходящей жизни, еще оставался высоко на дереве. Мимо клена, по два, шли шесть немецких танков на батарею, засыная ее снарядами своих орудий. Митин пробежал мимо Мовсесяна к орудью и увидел, как лейтенант, стоявший на коленях, склонился лицом к земле и так и остался.

— Батарея!—прокричал Оганесян.— Слушай мою команду... Он бил по первому справа танку, потом по первому слева, и по нетерпеливому выражению его лица было понятно, что он считает танки: «один, два», и не дожидается, пока счет дойдет до шести.

Орудие выкатили вперед, так как враг пристрелялся к старой позиции. Три танка были перед кленом, один горел, два уходили назад. И орудие продолжало бить, бить, бить... Удары его сыпались непрерывно, жестоко, прямо. Цели немцев одна за другой шли вперед, желая ценой любых потерь вернуть потерянную накануне высоту. Они были так близко, что виднелись их лица, было слышно прерывистое дыхание бегущих. Они хрипло кричали, стреляли на бегу. И Митин, увидев как побелело лицо у Оганесяна, как пошатнулся он, закричал, испугавшись, что некому будет стрелять:

— Нельзя, нельзя сейчас, товарищ командир... не во-время...

Огонь прямой наводкой рвал цепи, разбрасывая в стороны изуродованные тела. Приняв к «максимуму», кто-то косил немцев. Митин больше всего боялся, что упадет Оганесян, у которого все шире растекалось на груди красное пятно, шептал:

— Дайте им! Дайте им еще!

Он хватал снаряды, он закрывал замок, он поддерживал Оганесяна, когда тот шатался. И никто из них, дравшихся на батарее, не мог уловить того момента, когда изменялась картина боя. Перед глазами у Оганесяна плывал зеленый, колеблющийся туман, он слабо взмахивал рукой, чтобы отогнать его. Ему показалось, что он почему-то прекратил бой.

— Орудие, к бою!—прокричал он, напрягая силы, и удивился, что его голоса совсем не слышно. Кто-то дал ему воды, и он жадно пил воспаленным ртом, оторвавшись от фляжки увидел Митина и полковника Холина.

— Отставить команду «к бою»,—обычным своим негромким голосом приказал полковник и показал рукой на левый фланг. Оттуда возвращались два орудия батареи, лошади шли карьером, вздовые клонились вперед на седлах.

— Левый фланг отстоял, молодцы,—сказал Холин.—И у вас тоже получилось замечательно с одним вашим орудием.

Отойдя в сторону, он мягко добавил:

— Вам, сержант, в госпиталь надо...

Маленький Митин поддерживал Оганесяна, обвинял его, а тот удивлялся, почему ему надо уходить в какой-то госпиталь, когда батарея с честью выдержала испытание, снаряды готова к бою, и так чудесно стоит неподалеку большой коренастый клен с длинными ветвями, из одной из которых каким-то чудом уцелел багряный узорчатый лист.

А. МАТХАШЯН.